

Сегодня гость «СН» — лауреат и дипломант международных и всероссийских литературных конкурсов, член Союза писателей России Вера Суханова.

— Вера Анатольевна, Вы — поэт, Вы — переводчик и Вы — краевед. Какая из этих ипостасей стоит у Вас на первом месте?

— Трудно сказать, тут, образно говоря, идут пласты жизни. Если считать в творческом плане, то, конечно, поэзия, но поэзия не кормит, кормят переводы. Если говорить о финансовом существовании, то большую часть времени я посвящаю переводам. Если говорить о творчестве, о какой-то свободе духа и иных высоких вещах, приоритет будет за поэзией. Ну а от краеведения, к сожалению, я сейчас отошла, поскольку занималась им, когда работала в музее-заповеднике, и по своим профессиональным обязанностям, и, так сказать, по зову души, поскольку живя на Смоленщине, и особенно в таком городе, как Смоленск, просто нельзя оставаться не краеведом. Здесь мы окружены памятниками, местами, которые связаны с историей. Начинаешь исследовать подноготную какого-то места или чью-то биографию, и возникают статьи, исследования, становящиеся со временем книгой. У меня такая книга вышла в 2001 году, называется «Памятные места Смоленщины. Культурно-исторический атлас». Там очень много иллюстраций, поэмы и атлас, но текста довольно много, книга эта переиздавалась в 2008 году, продаётся в магазинах издательства «Русич».

— Как к Вам пришли стихи? Это первая влюблённость или что-то ещё?

— Затрудняюсь ответить...

— Если краеведческую статью можно сесть и написать, проведя предварительную работу, можно сесть и написать очерк, но стихи — принципиально иная структура, невозможно сказать: вот, дескать, сейчас сяду и напишу стихотворение.

— Да, стихи сами приходят, не спрашивая, можешь сейчас сесть и писать или нет. «Стихи не пишутся — случаются, как чувства или же закаты», сказал Андрей Вознесенский. Моя бабушка — уроженка Вязьмы, её отец был обрусевший цыган, так вот она замечательно пела, я с детства слышала эти песни, точнее — городские романсы, просто замечательные по своим сюжетам, поэтике. Какие там встречались замечательные образы и рифмы! Занимаясь стряпнёй или чем-либо ещё, бабушка постоянно пела, и эти ритмы вошли в меня с раннего детства, провоцируя желание высказать что-то своё. По всей видимости, всё это у меня идёт из детства. Помню, первое стихотворение написала лет в девять или в десять. Родители тоже запомнили этот отрадный факт, потом, смеясь, даже цитировали. Речь шла о том, как мы впервые поехали на природу на грузовой машине, там были такие строчки: «В кабине бензином воняет, а в кузове мне ветерок». С тех ветерка и бензина всё и началось.

— Как потом развивалось Ваше стихослагательство? Какие периоды ему присущи?

— Я писала постоянно. С подростковых лет я почему-то была уверена, что буду писателем. У меня сохранились канцелярские книги поры моего детства с рассказами, написанными в форме диалога с деревом или с миром. Например, дерево спрашивает: «Почему ты пишешь?», а я отвечаю: «Я не могу не писать» — и так далее, таковы мои детские самооткровения. И подруги мои тоже почему-то были уверены, что я стану только писателем.

— Когда читаю Ваши стихи, возникает впечатление, что Вы идёте от Тютчева. Что на это ответите?

— Тютчев? Да, он один из моих любимых поэтов. Для меня поэзия — это всегда некий глубинный смысл. Нет ни пейзажной лирики, ни любовной, ни философской — всё это должно быть в каком-то едином сплаве. Тайна должна присутствовать. О какой любви идёт речь? О земной страсти или о любви Божественной? Двухмерная плоскость, которая присутствует в творчестве некоторых авторов, в наше искушённое время уже неуместна. Столько мыслителей оставили нам в наследие свои глубокие мысли, что после этого писать поверхностно — это уже позавчерашний день. Хотелось, чтобы читатель стремился улавливать не только первый план того, что мы пишем, но услышать и другую глубину. Но для этого, конечно, мы должны писать с наличием третьего плана, а читатель должен быть просвещённым, и прежде всего в поэзии, в философии, в искусстве. Я пишу для таких читателей. Но пытаюсь сделать так, чтобы моя поэзия была сродни музыке. Можно не понимать сонату Бетховена, но она доступна чувствам и неподготовленного слушателя. Когда читаю стихи в юношеской

СЛУШАТЬ СТИХИ. И СЛЫШАТЬ МУЗЫКУ

аудитории, так и говорю: «Ребята, быть может, вы не сразу поймёте всё, что я читаю, но когда слушаете серьёзную музыку, вы же не понимаете, о чём конкретно хотел сказать композитор. Музыку нельзя перевести в плоскость приземлённых рациональных смыслов, так и здесь, вслушайтесь в мелодию стихотворения, и тогда стихи, возможно, западут вам в душу, и она отзовется на них». Я активно пользуюсь звукописью в своих стихах, хочу, чтобы при чтении они звучали как музыка.

— Настоящего поэта ведёт язык, его музыкально-смысловая структура, его динамика. Начиная стихотворение, поэт милостью Божьей не представляет, чем оно закончится. Другое дело стихоплётство, вирши, идущие от мозгов, но таковые к поэзии отношения не имеют. Вы согласны?

— Как Пушкин говорил: «Не тот поэт, кто рифмы плесть умеет». Такие же мысли высказал Бродский в своей нобелевской лекции. У поэта есть язык, за которым он идёт, часто не зная, куда язык его приведёт. То есть поэзия коренится в стихии языка. А из неё рождается музыка, о которой я говорила. Возможно, смысл моего стихотворения кто-то не сформулирует, но музыку языка, впитанную с молоком матери, он сможет услышать и приобщиться к ней.

— На дворе Год литературы, год предыдущий был Годом культуры. Вы наблюдаете какие-то созидательные изменения в связи с этим или нет?

— Я не работаю в учреждениях культуры, потому могу ответить без оглядки на начальство. И тот и другой Год, на мой взгляд, есть что-то притянутое за уши. Что называется, «мероприятие для галочки». Год Культуры ничего не изменил в названной сфере, Год литературы ждёт та же участь. Но радует, что с писателями Смоленщины встретился губернатор А.В. Островский, выслушал, пообещал помочь в вопросах материального плана, и уже есть подвижки, то есть губернатор держит данное слово, это вызывает уважение, за это спасибо. Но на том Год литературы и заканчивается, никаких изменений в лучшую сторону, например, по изданию книг, нет. Трудное финансовое положение, мы понимаем.

— Вы переводили Гессе, Рильке, Лорку, других авторов мирового уровня. Вам интересно заниматься переводами?

— Работа литературного переводчика мне очень интересна! Это ответственная работа, в основе которой прежде всего исследование. Прежде чем переводить настоящую литературу, а в особенности поэзию, необходимо тщательно изучить биографию автора, все реалии его жизни, все его «фишки». Какие образы у него проходные, какие главные, что он мог подразумевать той или иной метафорой. Нельзя дать полностью адекватный перевод, ведь системы языков разные. Один длинней, другой — короче. В английском более краткие слова. Если перевести английское стихотворение тем же размером с сохранением всех без исключения смыслов, то в русском варианте оно получится гораздо более объёмным — вместо трех строк, например, выйдет четыре или пять, этого нельзя допустить. Значит, переводчик должен чем-то жертвовать, но чем? Прежде чем это решить, необходимо провести целое исследование. Известно, оригинал не устареет, но устаревают переводы. Каждое последующее поколение переводчиков копает всё глубже, используя наработки своих предшественников. Меняется язык, каждый новый перевод делает переводимый текст более современным. Об этом могу долго говорить, мне нравится эта тема, но дело в том, что для заработка приходится переводить книги низкопробные — то, что мне покажет московское издательство. Коммерческие книжки. Провожу за компьютером по 10–12 часов ежедневно. Работаю на коммерческие издания, которые, что называется, прочитал и выбросил. Читиво. Но попадаются и очень приличные авторы, я переводила австрийца Иозефа Винклера, очень глубокая стильная книга. Для издательства «Наука» переводила стихотворную часть трактатов католической святой XIII века Мехтильды Магдебургской. С моим научным руководителем профессором СмолГУ Р.В. Гуревич, она делала перевод прозы литературного памятника, а я — поэтическую часть. Благодаря чему в научном обороте появился совершенно новый литературный памятник.

— Вера Анатольевна, как Вы ощущаете себя в современном обществе, как Вам живётся ежедневно?

— Стараюсь не очень погружаться в какие-то общественные моменты. То есть в дрязги политические и прочие. Мне очень близка позиция одного из моих любимых поэтов Бориса Леонидовича Пастернака, помните его строки: «В кашне, ладонью заслонясь, сквозь форточку крикну детворе: «Какое, милые, у нас тысячелетие на дворе?». А иначе как? Иначе во всё это погрузишься и что-то главное упустишь, а жизнь коротка, размениваться на сиюминутные мелочи не стоит.

— Как считаете, само служение литературе способно что-то изменить в мире в лучшую сторону или нет? Мне

кажется, нет. Сколько великих поэтов, писателей бескорыстно отдавали свои жизни человечеству, ну и что? Наши туфли чавкают в том, что чавкает. Мир полон грязи, лжи и зла. Не возникает желания всё бросить и уехать в поле собирать васильки?

— Вопрос для меня алогичный. Я с удовольствием пойду в поле собирать васильки. Но какой-то моторчик внутри всё равно будет работать и обязательно выдаст какую-нибудь строчку. Мир, лежащий во зле, — не довод, чтобы не заниматься литературой. Великая поэзия всё равно никого не спасает, я и не собираюсь никого спасать. Наставлять, учить. Когда произведение издано и пришло к читателю, он сам или спасается или нет, но писатель пишет не для того, чтобы нравственно очистить мир. Не Льва Толстого имею в виду, но Чехов писал потому, что писалось. Как и Достоевский. Одно дело — его прозрения, но он не наставник для общества. На мой взгляд, нравственный заряд должен присутствовать в литературе, слишком много в мире черноты, и если автор впускает её в своё произведение, тем самым впускает тьму в свою душу. Нравственный потенциал литературы прежде всего необходим её авторам, мне необходим! Если моя позиция будет отвечать душевному настрою читателя, я буду рада, но не эта цель главная для писателя. Мне кажется, что евангельская притча о талантах, которые нельзя зарывать, очень важная. Если в человеке есть хоть какая-то искорка, он должен принести её в общую копилочку. Нужна она окажется или нет, вопрос второй или десятый, но ни в коем случае нельзя всё это держать в себе. Обязательно нужно воплощаться.

— В этом году Вы отмечаете юбилей, а это всегда предварительные итоги и планы. Что бы Вы хотели ещё успеть в литературе?

— Успеть необходимо очень много. Во-первых, хотелось бы издать поэтическую книгу, она уже написана. Во-вторых, очень бы хотела продолжить начатое в плане нового для меня направления, с недавних пор я пишу рассказы в жанре фэнтези, сейчас в белорусском журнале «Метаморфозы» вышел один из них, скоро должен выйти второй, готовлю третий. Чем они мне интересны? Хочу некоторые философские моменты, не укладывающиеся в поэзию, с которой сложно — придёт стихотворение или нет, — выразить в прозе. С прозой проще, можно обдумать сюжет, его логику, найти какие-то глубинные образы, юмор и так далее. Одним словом, хочется написать сборник рассказов и издать его. Думаю, что для молодёжи это может оказаться интересным, поскольку жанр фэнтези ею востребован, но у молодого читателя необходимо воспитывать литературный вкус. Катастрофически не хватает времени, но хотелось бы издать книгу «Мои любимые поэты зарубежья», где будут мои любимые стихи Гессе, Рильке, Лорки. В своё время я самостоятельно учила испанский язык, чтобы переводить его стихи. Перевод по подстрочнику не считаю полноценным, необходимо чувствовать стихию языка поэта, которого переводил. Иначе перевод будет очень приближенным.

— Да исполнятся все Ваши устремления и мечты. Успехов!

Александр БЕРЕЗНЕВ

